

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ ЭТНОГЕНЕЗА УДЭГЕЙЦЕВ

Анатолий Федорович СТАРЦЕВ,
доктор исторических наук

Материалы средневековой истории и современные этнографические данные свидетельствуют, что районы обитания народов Приамурья, Приморья и других регионов Азиатского континента во многом остаются неизменными. Если в древности и в средние века в низовьях Амура обитали палеоазиатские племена *цзираминь* (нивхи) и *куи* (айны), в бассейне Уссури жили племена *удигай* (удэгейцы), а на побережье Японского моря находилось племя *удзи* (удэгейцы), то и в наше время потомки этих племен (кроме айнов) обитают в низовьях Амура, бассейне Уссури и по побережью моря. Это позволяет предполагать, что аналогичная картина может наблюдаться не только в пределах российского Дальнего Востока, но и в Маньчжурии, где в бассейне Сунгари проживают сунгарийские нанайцы, орочи и удэгейцы, известные под общим этнонимом — *хэджэни*.

К сожалению, в материалах средневековой эпохи, за редким исключением, нет сведений о родовом составе племен и их родовых этнонимах. При наличии таких сведений нетрудно было бы идентифицировать известные средневековые племенные этнонимы с названиями современных народов. Однако отмеченный недостаток в династийных хрониках восполняется этнографическими материалами, отражающими многие стороны материальной и духовной культуры средневековых этносов. К таким материалам относятся прически древних и средневековых чжурчжэней, свадебные и похоронные обряды, отдельные моменты общественных отношений и разные элементы материальной и духовной культуры, которыми характеризуются особенности того или иного племени. Использование знаний о территории расселения, особенностях материальной и духовной культуры средневековых племен в сочетании со знаниями о культуре народов региона XIX—XX столетий позволяет применить метод сравнительно-сопоставительного анализа по идентификации средневековых и современных этносов.

В современной научной литературе в общих чертах показано, что этногенез народов Нижнего Амура и Приморья, в том числе и удэгейцев тесно связан с чжурчжэньским этносом, сформировавшимся в эпоху средневековья. Однако детальных разработок этого феномена нет, за исключением отдельных высказываний и предположений, указывающих на этногенетические связи чжурчжэней с народами этого региона. Определенные научные разработки и выводы по этногенезу аборигенов Нижнего Амура и Приморья имеются в опубликованных работах российских исследователей Б.О. Долгих¹, А.П. Окладникова², Г.В. Мелихова³, М.В. Воробьева⁴, В.Е. Ларичева⁵, Э.В. Шавкунова⁶, Е.И. Деревянко⁷ и многих других исследователей.

Конкретно проблема этногенеза удэгейцев в 1989 г. рассматривалась В.В. Подмаскиным и автором этой статьи в коллективной монографии «История и культура удэгейцев»⁸. После публикации этой монографии В.В. Подмаскин

вновь возвращается к проблеме этногенеза удэгейцев. Его статья «Проблема этногенеза удэгейцев», опубликованная тоже в 1989 г., в основном посвящена отдельным этнокультурным контактам удэгейского этноса с другими народами в области языка, фольклорного творчества, музыкального и изобразительного искусства. В статье поднят и вопрос о привлечении других научных дисциплин для решения проблемы этногенеза этого народа⁹.

Цель настоящей статьи — осветить этимологию доступных для научного анализа этнонимов аборигенного населения, а также показать те этногенетические процессы, которые происходили среди народов Приамурья и Приморья в эпоху средневековья и нового времени. Для достижения нашей цели необходимо проследить процесс консолидации и утверждения чжурчжэньского этноса в средние века на политической арене дальневосточного региона и Маньчжурии.

Процесс консолидации чжурчжэней был очень сложным. В нем участвовали племена *хэйшуй мохэ*, *сумо мохэ*, *байшань*, *хуйба*, *тели*, *юэси*, *фуне*, *юйлоу*, *удигай*, *ужэ*, *уго*, *вэймо* и многие другие, а также население Корё, Бохая и Динъяня. Роль и судьба различных племен и народностей в этом процессе были разными и зависели от их этнического и культурного веса. В процессе консолидации чжурчжэней названия многих перечисленных племен исчезают из летописей¹⁰.

К X в. из числа многочисленных тунгусских и других племен сформировался многонациональный чжурчжэньский этнос, с которым соседние государства были вынуждены считаться и вступать в определенные отношения. В годы империи Ляо (926—1115) чжурчжэни разделялись на три категории: 1) покорные или мирные чжурчжэни *шуньючжи*; 2) нейтральные чжурчжэни племени *хуйба*; 3) непокорные или немирные чжурчжэни *шэннючжи*. Из трех категорий чжурчжэней у государственных органов империи Ляо и соседних стран наибольшее беспокойство вызывали непокорные чжурчжэни, которые часто нападали на пограничные районы киданьского государства.

По определению киданей, в число непокорных чжурчжэней входили 72 племени, количество которых было более 100 тыс. чел. С тех далеких времен сохранились некоторые родовые или племенные этнонимы непокорных чжурчжэней, что для нашей работы представляет определенный интерес. Исходя из исследований М.В. Воробьева, к категории непокорных чжурчжэней следует отнести племена *удзи* (*уцзи*), *удигай*, *ужэ*, *тели*, еланьские роды *хэшиле*, *ваньянь* и др., которые проживали в непосредственной близости друг от друга на побережье Японского моря, в бассейне Уссури и др. рек Приморья и северной Маньчжурии¹¹. Если учесть, что по побережью Японского моря, по берегам рек Даубихэ, Имана, Бикина и др. рек, составляющих бассейн Уссури, жили и живут нанайцы, удэгейцы и орочи, то наш интерес к племенам *удзи* (*уцзи*) *удигай*, *ужэ* далеко не праздный, тем более что эти этнонимы прослеживаются с древнейших времен. Из материалов А. Гребенщикова известно, что еще в V в. на побережье Японского моря обитало племя *удзи*. Люди этого племени также находились в бассейне Уссури и проживали на территории Северной Кореи¹².

А. Гребенщиков считает, что этноним *удзи* — «есть звуковое изменение слова *вэдзи*, что в старом маньчжурском языке означало кустарник на ребрах гор, место, поросшее кустарником и травой, лес, рощу, чащу, дремучие леса и т. д. и до XVII столетия сохранялось в виде названия (тажные, лесные обитатели, лесовики) одного из маньчжуро-тунгусских родов...»¹³.

Спустя пять веков на отмеченной территории проживания племени *удзи* летописцы Золотой империи X столетия зафиксировали чжурчжэньское племя *ужэ*¹⁴.

Востоковед Г.М. Розов, переводивший с маньчжурского языка на русский язык «Историю Золотой империи (1115—1234)», отмечал, что этноним «ужэ» является транскрипцией тунгусского слова «вэчжи» — «лес»¹⁵. Из приведен-

ных примеров следует, что этнонимы *удзи* и *ужэ* — тождественные понятия, связанные с лесом, тайгой.

В сравнительном словаре тунгусо-маньчжурских языков отмечается, что в одном случае маньчжурский термин «вэджи» переводится, как «дремучие леса, простирающиеся на большом пространстве». В другом случае это слово переводится как «лесные жители» или обозначает «название одного из маньчжурских родов»¹⁶. В этой связи следует обратить особое внимание и на этноним *удигай*. Племя *удигай* обитало севернее племени *ужэ* в лесистом районе по правому берегу Амура, между реками Сунгари и Уссури. Название племени, говорится в комментариях составителей истории «Золотой империи», произошло от двух тунгусских слов *веджи-кай* и может быть переведено на русский язык как «лесные люди»¹⁷.

Исследование этимологии этнонимов *удзи*, *ужэ* и *удигай* со значением *лес*, проведенное специалистами по восточным и тунгусо-маньчжурским языкам, свидетельствует об идентичности смыслового перевода названных терминов. К этому этнонимическому ряду с тем же значением примыкает и современный этноним *удэ*. Отсюда следует, что средневековые этнонимы *удзи*, *ужэ* и современный этноним *удэ* представляют собой варианты одного и того же тунгусо-маньчжурского слова *вэчжи* (*веджи*) — лес, таежные отроги и другие вариации понятия со значением местности, покрытой лесом или тайгой.

Э.В. Шавкунов, анализируя этнонимы *удигай*, *удигэ* в сочетании с китайским термином *ежень*, приходит к выводу, что чжурчжэньское слово *удигэ*, означающее «дикий, некультурный, неприрученный», и китайское слово *ежень*, означающее «дикарь, грубиян, варвар, простолюдин» в целом эквивалентны¹⁸. Этими же терминами назывались и «дикари, сделавшиеся такими вследствие бегства в леса и горы от смут; они часто дичали до того, что бежали от людей, как звери»¹⁹. Иначе говоря, делает вывод Э.В. Шавкунов, «*ежень*, *удигэ* (удигай, удиха), дикие чжурчжэни — это мелкие и разрозненные племена чжурчжэней, проживавшие в труднодоступных горно-таежных районах Приморья и не признававшие над собой какой-либо исходящей извне власти»²⁰. Из всего вышесказанного следует, что средневековые китайцы и чжурчжэни, а также и маньчжуры XVII столетия не делали различий между «дикарями» и «лесными людьми», известными под этнонимами *удзи*, *ужэ*, *ежень*, *удэ*, *уди*, *удигай*, *удигэ*, *удиха*, *удаха*.

Рассмотрев этимологию вышеуказанных племенных этнонимов, уместно сказать, что из всех тунгусо-маньчжурских народов Нижнего Амура и Приморья лесными людьми называют себя только удэгейцы. Именно по этой причине В.К. Арсеньев выбрал для книги об истории и культуре удэгейцев заголовков «Лесные люди удэгейцы». У современных удэгейцев до сих пор сохраняется предание, почему они стали называться лесными людьми. Суть предания в том, что когда конница монголоязычных племен напала на удэгейцев, последние, отбиваясь от них, стали уходить в труднодоступные дебри уссурийской тайги. «Потянулись удэ в леса да в горы, стали на горах да в лесах жить. Лесными людьми удэ стали. А мунгалы до моря дошли, назад повернули, в свои степные равнины ушли»²¹.

В состав племен *удзи*, *ужэ*, *удэ*, *удигай*, *удигэ*, на наш взгляд, входили предки современных нанайцев, орочей, удэгейцев и других этносов Приамурья и Приморья. К XVII столетию под этнонимами *удигэ*, *удэ* и др. терминами маньчжуры стали подразумевать уже не только определенные группы родственных племен, но и территорию их расселения, в связи с чем слово *удигэ* из нарицательного превратилось в собственное. В XIX столетии этноним *удигэ* (*удихэ*, *удэ* и др.) прочно закрепился только за удэгейским этносом.

Если сопоставить территорию расселения чжурчжэньского населения из племени *ужэ* с местами проживания современных аборигенов — удэгейцев

и предположить, что этнонимы *ужэ* и *удэ* представляют собой варианты одного и того же слова, то можно, видимо, считать, что удэгейцы являются одними из прославленных потомков непокорных племен *ужэ* и *удигай*.

В истории чжурчжэней племя *ужэ* на политическом и военном поприще оставило очень заметный след. Значительная часть *ужэ* входила в состав государства Бохай, созданного чжурчжэнями (698—926 гг.). Бохайское государство постоянно вело войны с монголоязычными киданями. В ходе этих войн Бохай был завоеван. «Разгромив Бохай, кидани в 926 г. создали на его землях вассальное государство Дундань (Восточное [ки] дань) для управления бохайцами и чжурчжэнями с центром в прежней столице Хухань, переименованной в Тяньфу»²².

Однако кидани, не сумев закрепиться в завоеванной стране, увели свои войска. «После их ухода на землях Бохая образовалось два объединения: Поздний Бохай, основанный родом *да* в 929 г., и Динъань, созданный родом *ле* в 938 г. в долинах Ялу и Тунцзя. Подлинная власть в Позднем Бохае была в руках племени *ужэ*, во главе которого стоял род *у*. Сам предводитель *У*, будучи первым министром правителя Позднего Бохая, покорил Динъань, объявил себя его владетелем и перенес столицу в старый Дунцин (Гиринь)»²³.

Отсюда следует, что в племени *ужэ* существовал род, имевший родовое название *у*, во главе которого находился предводитель по фамилии *У*, занимавший высокий пост в Позднем Бохае. На наш взгляд, благодаря большой активности самого *У* и его последователей чжурчжэньский род *у* сохранялся многие века и принимал заметное участие в политической жизни X столетия. Даже после военного и политического поражения части населения из племени *ужэ* и подчинения его киданям, люди этого племени вели борьбу за объединение разрозненных чжурчжэньских племен против усиления и утверждения киданей²⁴.

Возможно, родовое название *у* из племенного союза *ужэ*, зафиксированное в X в., в неизменном виде до сих пор сохраняется в среде ульчского этноса²⁵ (в селе Булава Ульчского района Хабаровского края зафиксирована только одна семья, глава которой имеет фамилию *У*). Родовое название *У* до начала XX столетия сохранялось и у приморских удэгейцев *намунга* в форме фамилии *Удига*²⁶. Эта фамилия состоит из двух компонентов — родового названия *у* и суффикса множественного числа *дига* или *зига*. Суффикс *зига* выражает понятие о каких-либо конкретных событиях, в той или иной мере связанных с известными лицами²⁷.

Удэгейский род *У* принял участие в этногенезе тазов Приморского края, что нашло отражение в образовании фамилий Утайсин, Уболин, Улайси и Уладжи (Улажи); у нанайцев удэгейский компонент древнего родового названия *У* отразился в фамилии Уксуменко²⁸.

Под терминами *удигай*, *удигэ* и др. чжурчжэни, китайцы, маньчжуры и др. народы вплоть до XVII столетия подразумевали диких, непокорных людей, проживавших в труднодоступных районах Приморского края, хотелось бы знать мнение самих аборигенов региона об этимологии этих этнонимов.

Хорские удэгейцы считают, что в прошлой истории этноса существовала местность *удэ*²⁹, на территории которой обитали удэгейцы. Подкаменно-тунгусские эвенки под этнонимом *удигэ* подразумевают человека в нарядной одежде *удиггэ*. Этот термин они образовали из глагола «*удии*», имеющего значение «1) *украсить, нарядить*; 2) *нарядиться*». Верхоленские и сахалинские эвенки и сахалинские ороки из глагола «*удии*» образовали термин *удзи* (*уджи*), или *удзии* (*уджиин*), имеющий значение — *кольцо, украшение, подвески на одежде*³⁰. Анализируя термины, обозначающие нарядную одежду (*удииггэ*), кольца и подвески (*удзи*; *уджи*), можно заметить, что они по своему звучанию и написанию аналогичны этнониму *удигэ*, или *уди*, — самоназванию удэгейского этноса.

Таким образом, приведенная этимология термина *удигэ* свидетельствует, что соседние тунгусо-маньчжурские народы удэгейцев не считали дикарями, а видели в них людей, одетых в нарядное платье и имеющих различные украшения.

Этнографы, изучающие материальную и духовную культуру современных тунгусо-маньчжурских этносов Нижнего Амура и Приморья, подчеркивают, что удэгейцы, орочи, нанайцы, ульчи и другие этносы региона имеют большое тяготение к красивой одежде и различным украшениям. Например, С.Н. Браиловский, описывая одежду удэгейцев, отмечал, что она имеет очень много декоративных вышивок и различных аппликаций. Орнаментировка одежды представляет собой самобытное искусство, достигшее значительного развития. «Эта отрасль искусства поражает взоры европейцев своеобразным и красивым сочетанием линий и красок и представляет собой нечто действительно изящное»³¹.

И.П. Лопатин, описывая одежду нанайцев, тоже подчеркивал, что «весь гольдский костюм во всех своих частях украшается так изобильно и с таким старанием и художественным вкусом, что невольно поражает всякого, даже человека, совершенно равнодушного к украшениям и художественному вкусу вообще... Узоры раскрашены во много красок. Краски же подобраны с таким вкусом, что все исследователи, бывшие у гольдов, во весь голос выражают свое восхищение»³².

Обильно расцвеченная различными вышивками и аппликациями одежда у женского населения региона дополнительно украшалась и разнообразными металлическими подвесками и раковинками «каури». Кроме того, все мужчины и женщины очень любили украшать себя серьгами, браслетами и кольцами. «В настоящее время редко встречаются мужчины — удиһэ, носящие серьги; но среди женщин попадаются часто и такие, которые украшают серьгами не только уши, но и нос. Ушные серьги обыкновенно состоят из железного, медного или серебряного кольца, от 1 до 1,5 дюйма в диаметре, соединенного с другим или несколькими разноцветными стеклянными кольцами. Таких серег многие женщины вдевают по четыре в каждое ухо, причем для каждой серьги делается особое отверстие. Тяжелые серьги сильно оттягивают уши, но щеголихи не смущаются этим. Носовые серьги меньше размером и состоят из одного серебряного или медного колечка, продетого в правую ноздрю, реже в носовую перегородку. Носовые серьги сильно беспокоят непривычный взор европейцев, но женщинам — удиһэ они очень нравятся, и их начинают носить чуть не со дня рождения»³³.

Археологические раскопки в регионе Амурского бассейна показывают большое обилие украшений, особенно различных сережек. «Бесспорным надо признать тот факт, — писал археолог В.Е. Медведев, — что серьги носили все чжурчжэньские женщины, у которых была возможность их приобрести. И, наверное, не только женщины, но и порой мужчины украшали свой нос и уши изделиями, несомненно, своих собственных ювелиров»³⁴.

Сравнивая материальную и духовную культуру чжурчжэней средневековой эпохи с культурой тунгусо-маньчжурских этносов Нижнего Амура и Приморья, приходишь к выводу, что многие элементы этих культур «...подчеркивают не только культурную самобытность населения рассматриваемого региона, но и показывают ее преемственность, в которой заключено важнейшее предназначение любой культуры»³⁵.

Формирование удэгейского этноса исторически связывается с образованием Золотой империи — Алчун и появлением на политической арене Приамурья, Приморья и Маньчжурии чжурчжэней. В период существования этого государства (1115—1234) в составе чжурчжэньского этноса, как мы уже выяснили, существовало племя *уци*, *удигэ*, *удаха*. Территория обитания этого племени

совпадает с местом расселения современных удэгейцев в Приморском крае. Отсюда видно, что еще с эпохи средневековья начался активный процесс перемещения этносов в соседние регионы и их взаимное смешение.

Э.В. Шавкунов полагал, что после падения государства Алчун в 1234 г. существование дальневосточных тунгусов значительно осложнилось. Из-за военных действий с монголами часть чжурчжэней, обладавших определенным единством происхождения с племенами *удаха* (*удигэ*), были уничтожены или перемещены в военно-земледельческие поселения, основанные в Приамурье монголами. Другая часть чжурчжэней не покорилась монголам и были вынуждены искать себе убежище в недоступных для монгольской конницы дебрях уссурийской тайги.

Чжурчжэни, которые укрылись от монголов в этой тайге, будучи оторванными от привычного образа жизни, вынуждены были как-то приспосабливаться к чуждым для них условиям. Это легче было сделать, вступая в различного рода связи с местным населением: в Приморье — с родственными им *удигэ*, в Низовьях Амура — с нивхскоязычными племенами *гилэми*. «Все эти обстоятельства, — писал Э.В. Шавкунов, — и обусловили в конечном итоге появление, с одной стороны, маньчжуров, а с другой — близких между собой по языку и культуре удэгейцев, орочей, нанайцев и ульчей»³⁶.

В начале XVII столетия на территории Маньчжурии образовалось государство Поздняя Цзинь. Оно было создано как военно-государственная организация, известная под названием «Восьми знамен». Маньчжуры вели войны с соседними государствами — Китаем, Кореей, Монголией. Постоянные войны требовали от Маньчжурского государства больших людских ресурсов. Пополнялись восьмизнаменные войска маньчжуров за счет и аборигенного населения Приамурья и Приморья, уводимого в Маньчжурию в плен. Маньчжурское государство начало осуществлять набеги на Приморье и Приамурье с 1616 г. Войска маньчжурских богдыханов здесь не закреплялись, они ограничивались только ограблением и угоном местного населения в Маньчжурию. По приблизительным подсчетам, в Маньчжурию из бассейна р. Даубихэ (р. Арсеньевка) было уведено более 17 тыс. чел., с территорий современных Шкотовского и Партизанского районов — более 30 тыс. чел.³⁷

Аналогичная участь постигла и племена ця-ка-ла удэгейского происхождения, жившие по соседству с нанайцами в бассейне оз. Ханка, а также по берегам рек Суйфун (р. Раздольная), в верховьях Бикина, Имана, Даубихэ (р. Арсеньевка), Уссури и на побережье от границы с Кореей до района современного поселка Ольги³⁸.

Аборигены края, не желая служить в восьмизнаменных войсках и жить вдали от родины, всеми средствами оказывали сопротивление маньчжурам. В одном из исторических преданий, записанных В.К. Арсеньевым у приморских удэгейцев, повествуется, что на территорию расселения приморских удэгейцев — в бассейн р. Кемы пришли вооруженные маньчжуры и стали грабить местное население. Тогда удэгейцы решили перебить всех маньчжуров. «Стали они ковать стрелы каждый день как можно больше. Стали женщины шить каждый день *богдо* и *помпу*³⁹. Ночью удэгейцы нарубили много палок в рост человека, и на вершины их надели головные уборы. Пошли удэгейцы и стали стрелять в маньчжуров стрелами. Маньчжуры стали тоже стрелять по чучелам, а удэгейцы обошли их с другой стороны и оттеснили их в море. Всех перебили, а двое убежали. Маньчжуры распустили слух, что удэхе все равно что черти: едят свежее мясо и ничего не варят. Едят сырую рыбу. Снег глубокий, идут и не тонут в нем. Лодки делают из бересты, плавают по камням и не ломают их. С тех пор не приходили сюда больше маньчжуры»⁴⁰.

Походы маньчжуров против племен Приамурья и Приморья нарушили их мирное развитие и явились одной из причин быстрого распада крупных родо-

вых объединений на мелкие этнические группы, которые, отпочковавшись от основного рода, стали селиться в труднодоступных районах края, где легче было укрыться от врага.

В конце XIX в. удэгейцы состояли из множества родов. В их число входили роды Амулинка, Аянка, Бэсэ, Геонка, Каза, Камандзига, Канчуга, Кимонко, Куенка, Кукчинка, Кялундзига, Кья, Пеонка, Сигдэ, Суанка, Суляйндзига⁴¹, Огдонко, Пумнадинга, Кумунка, Кэмэнка, а также Идига, Ниудига, Бадига, Удига, Чуннодига, Вандига⁴², Андига, Людига, Цзандига, Маадига, Чидига, Падига, Сядига, Цаудига, Хандига, Таудига, Падига, Яндига⁴³ и др.

Многие из этих родов прекратили свое существование еще в начале XX столетия.

По мнению Л.Я. Штернберга, предки перечисленных удэгейских родов когда-то входили в состав трех основных родов — это Камедига (Камдзига, Камандзига), Идзинка (Единка) и Пеонка (Пянка, Пианка). В отличие от Л.Я. Штернберга, В.Г. Ларькин утверждает, что основных родов у удэгейцев пять — Камандзига (Камедига, Камндзига), Кялундзига, Кья, Кимонко и Геонка⁴⁴. Однако, полагаю, эти утверждения ученых не обоснованны и не вполне соответствуют действительности. Этногенетический анализ родового состава удэгейцев, проведенный нами, показал, что этнос *уди* состоял из трех крупных родов: Удигэ (Уди, Удиһэ), Кья и Пеонка.

Есть основания предполагать, что все удэгейцы, известные под этническими названиями Кьякала (род Кья), Фэйяка (род Пеонка), Кялундзига, и многие другие в китайской историографии обозначались термином «уди (удаха)». Об этом говорится в одном из удэгейских преданий о родственниках *закпала*, живших на берегу моря. Однажды на них напали соседи, стали их грабить и убивать. Закпала покинули родные места, ушли на территорию бассейнов рек Нахта, Бикин, Хор и др. и поменяли прежнее название на удэ⁴⁵.

В составе этноса *уди*, очевидно, находилась или группа племен, объединявшаяся этнонимом уди (удаха, удигэ), или под таким же этнонимом существовал отдельный род. И в том, и в другом случае люди уди (удаха, удиһэ, удигэ) под напором маньчжуров оказались в Приамурье в районах расселения ульчей, нанайцев, негидальцев и других народов, среди которых начались активные этногенетические процессы. От слияния удэгейского рода Удигэ с другими народами Нижнего Амура у негидальцев появился род Удан, у нанайцев бассейн рек Тунгуски — Кура и Урми — род Удынка⁴⁶, у ульчей — род Уды. «Род Уды (Пильдунча) состоял из трех частей. Одна из них, судя по многим легендам, — пишет А.В. Смоляк, — удэгейского происхождения, вторая — негидальская — выходцы с р. Амгунь, длительное время жившие по притокам р. Пильду-Битки, и третья — род Удан на Удыле»⁴⁷. Как утверждают сами ульчи из рода Уды, они первоначально жили по берегам рек Хунгари и Анюй; свое происхождение они связывают с удэгейцами. «Удэгейская ветвь рода Уды, — продолжает А.В. Смоляк, — после переселения стала называть себя Пильдунча — по реке Пильду, впадающей в озеро Удыль, здесь они долго жили. Но удэгейское самоназвание — удэ — у них сохранилось и стало родовым этнонимом»⁴⁸. У самих же удэгейцев род уди, удэ (удихэ, удигэ) сохранился только до второго десятилетия XX столетия. Последний представитель этого рода был зафиксирован В.К. Арсеньевым в 1910 г. на р. Терней⁴⁹.

В источниках XVII столетия имеются сведения о народе Феха или Фэйяка⁵⁰. О людях этого племени В. Горский писал, что они носили серьги в ушах, одевались в платье из рыбьей кожи, украшенной узорами⁵¹.

Этническим названием Феха, Фэйяки (Файяки) в прошлом именовали один из аборигенных родов Приморья — Пяка (Пэйяка); в наши дни древний этноним *Фэйяка* звучит как *Пеонка* (Пянка, Пионка).

Этот континентальный род, по данным китайских источников, жил в 700—800 ли (350—400 км) на северо-восток от Нингуты⁵², т. е. предположительно занимал территорию бассейна р. Уссури и бассейнов рек Имана и Вака (р. Малиновка).

Удэгейский род Пеонка, преследуемый маньчжурскими войсками, покинул бассейны рек Уссури, Имана, Вака и разделился на две группы. Одна вышла на побережье моря в районы бассейнов рек Самарги и Пея. Она оставила за собой старое название рода. Другая часть рода Пеонка на р. Уссури встретилась с нанайцами рода Киле и вместе ушли на Хор. Там нанайцы рода Киле разделились на две группы. Одна группа Киле вступила в тесные связи с удэгейцами, и образовался единый удэгейский род Кимонко⁵³, а другая образовала удэгейский род Кялундзига.

Вскоре после первого разделения рода Пеонка происходит второе. На этот раз от рода Кимонко отделились группы Килуэ, Бэсэ и Пуза, а в 20-х годах XX столетия отходят группы Чжангонконко и Догомунка. «Члены перечисленных локальных подразделений, — писал В.А. Туголуков, — сознавая свое кровное родство, не вступали во взаимные браки»⁵⁴.

Этническое название *кья*, *кьяка*, *кьякари*, *кьякала*, *къякхаль*, *кьякала*, *цякала* и другие варианты этого слова упоминаются во многих источниках XVII столетия. Японский исследователь народов Маньчжурии и Дальнего Востока Сэй Вада отмечал, что в XVII в. племя цякала обитало на побережье Японского моря к востоку от Хуньчуня⁵⁵ — по рекам Фу-цин (Фудзин — р. Павловка — правый приток р. Уссури в Кавалеровском районе Приморского края), Юэсэ (современная р. Джигитовка, расположенная в Тернейском районе Приморского края) и др. «Они все (мужчины и женщины) в нос продают кольца с подвешенными к ним украшениями из серебра или латунных фигурок размером в один дюйм... Цякала строят жилища и лодки из бересты. Им неизвестны рыболовные сети, они питаются рыбой, которую бьют острой, и мясом диких зверей. Разговаривают на языке ця-ка-ла»⁵⁶.

В китайских источниках от 1628 г. сообщается, что *кьякала* жили и на реке Иман⁵⁷. «Эти люди, — говорилось в источнике, — (мужчины) татуируют лицо, в их стране добывают соболей. Хлеба у них не растут. Летом люди питаются рыбой, а зимой — мясом зверей, из шкур шьют себе одежду»⁵⁸.

По мнению Е.П. Лебедевой, из состава слова *кья-кала*, *кя-кала* легко выделить часть *кала*, сопоставляемую с маньчжурским словом «кала» — «род», поэтому слово *кьякала* можно переводить как род Кья⁵⁹. В.К. Арсеньев под термином «кя» подразумевал слово «сородич». «Близко живущие роды, — отмечал исследователь, — истари проживающие друг с другом по соседству, называют друг друга «кя»... Иногда и даже часто удихэ говорят *кя-ка*. Отсюда получилось название Кьяка, Кьякар, Кекари, Кьякала и т. д., которые мы встречаем на страницах китайской этнографии»⁶⁰.

Род Кья вначале распался на этнические группы Амулинка, Геонка, Куинка и Кумунка. Их представители, как отмечал В.К. Арсеньев, друг друга называли словом «кя». Е.Р. Шнейдер в этот список добавил и род Суанка⁶¹. Все эти роды считались *замула*, т. е. *доха* и не вступали во взаимные браки⁶². Но со временем принцип экзогамии внутри родов стал нарушаться, что привело к дальнейшему дроблению. Род Геонка, забыв родственные связи с родом Кья, обособился, сам стал основным и разделился на две группы, получившие названия Геонка и Кэмэнка⁶³.

Род Кялундзига, по мнению хорских удэгейцев, в своей основе имеет не-удэгейское происхождение. «Раньше люди Кялундзига сильно отличались от приморских людей «намунка», — утверждали Дода, Мирон и Найза Кялундзига. — У них была одежда разная — Кялундзига в прошлом никогда не носи-

ли одежды из рыбьей кожи, а потом этому научились у приморских людей»⁶⁴, по мнению В.Г. Ларькина, у удэгейцев из рода Кья.

По мнению С.К. Патканова, род Кэлендига или Килюнга (Кялундзига) произошел от нанайского этнонима Килэ или Килэны с добавлением удэгейского окончания *дига*⁶⁵.

По предположениям В.Г. Ларькина, он мог сформироваться на основе удэгейцев морского побережья из рода Кья и пришлых тунгусов⁶⁶. О неудэгейском происхождении рода Кялундзига свидетельствует и такой этнографический факт. Хорские, самаргинские и бикинские удэгейцы из этого рода и его ответвлений обычно при жизни имели прическу, состоящую из двух кос. Однако при погребении им, в память о далеких предках, заплетали волосы только в одну косу⁶⁷.

Тунгусы рода Килер в район расселения приморских и других групп удэгейцев перекочевали вместе с оленями из бассейна р. Амгуни⁶⁸. Е.А. Крейнвич утверждал, что тунгусы 300 или 500 лет тому назад пришли из Прибайкалья и поселились на р. Уд. Затем они перекочевали к берегам р. Амгуни⁶⁹. О такой же датировке говорили и исследователи, изучавшие культуру соседних с удэгейцами народов⁷⁰. Сами же удэгейцы в 1933 г. утверждали, что с момента появления рода Кялундзига на Анюе родилось шестое поколение⁷¹.

Род Кялундзига первоначально занимал обширную территорию побережья моря⁷². Здесь от рода Кялундзига отделилось две группы. Одна часть стала носить родовое название Суляйндзига, а другая, обосновавшаяся на р. Кама (Кема), приняла родовой этноним Камдзига (Камандзига)⁷³.

В начале XVII столетия в Приамурье появляется новая группа тунгусов (эвенков) из рода Самагир. По данным В.А. Туголукова, эти эвенки перекочевали на Анюй, затем спустились на р. Самаргу и вышли на морское побережье⁷⁴. Здесь они, влившись в состав рода Суляйндзига, обусловили его раздел на две группы: Суляйндзига и Самандига. В процессе культурных контактов и экономических связей с другими народами из удэгейского рода Самандига отделилось две группы, на основе которых впоследствии были сформированы ороческие роды Суляки, получившие затем название Акунка, поскольку поселились на р. Аку, и Самантюка⁷⁵.

«Вскоре после первого дробления на три этнические группы — Кялундзига, Суляйндзига и Камандзига — от рода Кялундзига отходят еще две группы, которые, породнившись с нанайцами, образовали свой род — Онинка»⁷⁶. Вот как об этом повествуется в преданиях: по одной версии, три брата Кялундзига поссорились из-за каменного кольца, оставленного им в наследство⁷⁷; по другой версии, причиной раздора послужил хвост орлана⁷⁸. После ссоры старший брат поселился на р. Анюй, средний — на р. Узэр, впадающей в озеро Узэр хэвэни (около с. Богородского). Младший брат перекочевал на Хор и стал там жить⁷⁹. Старшие братья стали называться Онинка⁸⁰, а младший родовое название оставил прежнее.

Оставшийся род Кялундзига постоянно враждовал с нанайцами. После одного из конфликтов от рода Кялундзига отошла группа, которая поселилась на р. Кукчи — в верховьях р. Самарги. По названию реки эта группа получила имя Кукчинка⁸¹.

По сообщению удэгейцев, некоторые этнонимы удэгейских родов заимствованы от др. народов. Например, этноним Сигдэ к удэгейцам пришел от негидальцев, у которых был род Сигдан; родовое название Куинка было образовано от слияния удэгейцев и *куи* — айнов⁸².

Взаимные этногенетические связи между удэгейцами, нанайцами, орочами, ульчами и др. этносами Нижнего Амура свидетельствуют, что слияние двух родственных народов, например, удэгейцев с нанайцами, в конечном итоге приводило к образованию тех же удэгейцев или нанайцев, но уже с несколько измененными культурными традициями и языком.

Иная картина наблюдается при слиянии неродственных этносов. Например, в процессе брачных связей удэгеек и нанаяк с китайскими мужчинами и последующим за этим ассимилятивным процессом к середине XIX столетия образовалась особая этническая группа под этнонимом тазы⁸³.

В XVII—XIX вв. взаимное объединение и смешение удэгейцев с тунгусами, нанайцами, орочами и другими народами Приамурья и Приморья обусловлено не только единым культурно-хозяйственным типом охотников и рыболовов, но также их близкой духовной культурой тунгусо-маньчжурских этносов, в основе которой находились анимистические воззрения на природу, общество и человека.

В конце XIX — начале XX в. удэгейцы всех территориальных групп разделялись на два-три сообщества типа замула, между которыми дозволялись брачные взаимоотношения. Например, хорские удэгейцы составляли две группы замула, в основе которых были роды Кимонко и Кялундзига; анюйские удэгейцы имели три группы замула, в состав которых входили локальные подразделения из родов Кья, Кялундзига и Кимонко⁸⁴.

Отношения замула между локальными группами формировались двояко: через дробление основного рода на ряд мелких родов и путем брака некоторых нанайцев, орочей, ульчей и других народов с вдовами-удэгейками. Социальная организация института замула, по орочки доха — это своеобразное упорядочение взаимоотношений в новых социально-экономических и политических условиях в период разложения родового общества не только между кровными родственниками, но и членами некоторых других кровнородственных коллективов из других народов⁸⁵.

Основным признаком, отличающим одну группу замула от другой, служил экзогамный запрет внутри той или иной группы родовых объединений. В.Г. Ларькин указывает на четыре общности замула: «В первую входили роды Суляйндзига и Кукчинка; во вторую — Суляйндзига, Камдзига, Куинка, Самандига и Сигдэ; в третью: Канчуга, Кукчинка и Геонка; в четвертую — Каза, Пуза, Кимонко и Намунка (орочский род)»⁸⁶. В.А. Туголуков отмечал, что в одно сообщество замула входили не только удэгейцы, но и орочи, нанайцы и другие народы. Например, «удэгеец Амулинка не может брать жен из фамилий Геонка, Канчуга, Куинка, Кья, Суанка и в нанайском роде Бельды. Ороч Акунка не может взять жену из фамилий Самандига, Сенкиянка, Сиочонко, Хутунка, из удэгейских фамилий Кукчинка, Пудя, Суляйндзига, из нанайских родов Гаир, Самар и др.»⁸⁷

Кроме этого, для удэгейцев из рода Каза и Кимонко считались запретными женщины из орочских родов Сеоченко, Эхэмунка и нанайского рода Джаксор; Камандзига (Камдзига) находились в отношениях замула с орочами Еминка, Ауканка, Дзаянка, Моуданка, Пунадинка и с нанайскими родами Онинка и Джаксор; удэгейцы из фамилии Пеонка составляли группу замула вместе с орочами Намунка, Тиктамунка, Мулинка, Пэулянка, Тонголинка и нанайцами Киле, Тумали и Ходжер⁸⁸.

В советский период истории удэгейцев архаичный институт замула у аборигенов был полностью забыт. Сохраняется только неписанный запрет на браки между однофамильцами и ближайшими родственниками из других фамилий.

Анализ терминов *удзи*, *уцзи*, *ужэ*, *уди*, *удэ*, *удигэ* и др. со значением лес, тайга, лесные люди показывает, что под этими словами еще с первых веков нашей эры вплоть до XVII столетия одновременно подразумевались топонимы территории бассейна Уссури и морского побережья Японского моря от Северной Кореи до устья Амура и племенные этнонимы предков современных нанайцев, орочей, удэгейцев и других этносов, обитавших в таежных отрогах уссурийской тайги. С образованием в начале XVII столетия государства Поздняя Цзинь этнонимами *удэ*, *удигэ* и др. стали обозначаться конкретные родоплеменные группы удэгейцев, обитавшие в бассейне Уссури и в устьях рек,

впадающих в Японское море. Начиная с XVII столетия, у народов Нижнего Амура и Приморья активизируется дробление основных родов на ряд локальных подразделений, происходит процесс слияния разных этносов, обусловленный как этнокультурными контактами удэгейцев с соседними народами, так и социально-экономическими, культурными и политическими особенностями, сложившимися в Приамурье и Приморье в XVII—XX вв.

- ¹ Долгих Б.О. Этнический состав и расселение народов Амура в XVII в. по русским источникам // Сборник статей по истории Дальнего Востока. М., 1958.
- ² Окладников А.П. Тунгусо-маньчжурская проблема и археология // История СССР. 1968. № 6. С. 25—42.
- ³ Мелихов Г.В. Маньчжуры на северо-востоке (XVII в.). М., 1974.
- ⁴ Воробьев М.В. Чжурчжэни и государство Цзинь (X в. — 1234 г.). М., 1975; Он же. Культура чжурчжэней и государство Цзинь (X в. — 1234 г.). М., 1983; Он же. Маньчжурия и восточная Внутренняя Монголия (с древнейших времен до IX в. включительно). Владивосток, 1994.
- ⁵ Ларичев В.Е. Народы Дальнего Востока в древности и средние века и их роль в культурной и политической истории Восточной Азии // Дальний Восток и соседние территории в средние века. Новосибирск, 1980. С. 8—38.; Он же. Ларичев В.Е. Краткий очерк истории чжурчжэней до образования Золотой империи // История Золотой империи / Под ред В.Е. Ларичева. Новосибирск, 1998. С. 34—88.
- ⁶ Шавкунов Э.В. Государство Бохай и памятники его культуры в Приморье. Л., 1968; Он же. Культура чжурчжэней-удигэ XII—XIII вв. и проблемы происхождения тунгусских народов Дальнего Востока. М., 1990.
- ⁷ Деревянко Е.И. Племена Приамурья I тысячелетие нашей эры: Очерки этнической истории и культуры. Новосибирск, 1981.
- ⁸ Подмаскин В.В., Старцев А.Ф. Проблема этногенеза и этническая история // История и культура удэгейцев. Л., 1989. С. 15—27.
- ⁹ Подмаскин В.В. Проблема этногенеза удэгейцев // Проблемы историко-культурных связей народов Дальнего Востока: Сборник науч. трудов ИИАЭ НДВ АН СССР. Владивосток, 1989. С. 72—79.
- ¹⁰ Воробьев М.В. Чжурчжэни и государство Цзинь... С. 31.
- ¹¹ Там же. С. 35.
- ¹² Гребенщиков А. Дальний Восток: (ист. очерк) // Северная Азия. 1926. Кн. 5—6. С. 104.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ История Золотой империи / Пер. Г.М. Розова, коммент. А.Г. Малявкина. Новосибирск, 1998. С. 240.
- ¹⁵ Там же. С. 237.
- ¹⁶ Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков: Материалы к этимологическому словарю. Л., 1975. Т. 1. С. 131.
- ¹⁷ История Золотой империи... С. 269.
- ¹⁸ Шавкунов Э.В. Культура чжурчжэней-удигэ... С. 49.
- ¹⁹ Палладий (Кафаров П.И.), Попов П.С. Китайско-русский словарь. Пекин, 1888. Т. 2. С. 582.
- ²⁰ Шавкунов Э.В. Культура чжурчжэней-удигэ... С. 49.
- ²¹ Нагишкин Д. Большая беда // Амурские сказки. Хабаровск, 1975. С. 30.
- ²² Воробьев М.В. Чжурчжэни и государство Цзинь... С. 35.
- ²³ Там же. С. 35—36.
- ²⁴ Там же. С. 36.
- ²⁵ Гонтмахер П.Я. Ульчи. Человек. Время. Культура. Хабаровск, 203. С. 122.
- ²⁶ Архив ОИАК. Ф. В.К. Арсеньева. Оп. 1. Д. 42. Л. 11.
- ²⁷ Шнейдер Е.Р. Краткий удэйско-русский словарь с приложением грамматического очерка. М.; Л., 1936. С. 102.
- ²⁸ Сем Ю.А., Сем Л.И. Тазы: этническая история, хозяйство и материальная культура (XIX—XX вв.). Владивосток, 2001. С. 24.
- ²⁹ Гирфанова А.Х. Словарь удэгейского языка. СПб., 2001. С. 314.
- ³⁰ Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков: Материалы к этимологическому словарю. Л., 1977. Т. 2. С. 248.
- ³¹ Браиловский С.Н. Тазы, или удиһэ: Опыт этнографического исследования. СПб., 1901. С. 140.
- ³² Лопатин И.А. Гольды амурские, уссурийские и сунгарийские: Опыт этнографического исследования // Записки ОИАК Владивостокского отделения ПОРГО. Владивосток, 1922. Т. 17. С. 66.
- ³³ Браиловский С.Н. Тазы... С. 130.
- ³⁴ Медведев В.Е. Культура амурских чжурчжэней конец X—XI век (по материалам грунтовых могильников). Новосибирск, 1977. С. 154.
- ³⁵ Медведев В.Е. Там же.
- ³⁶ Шавкунов Э.В. Культура чжурчжэней-удигэ... С. 194—195.
- ³⁷ Соловьев Ф.В. Китайские отходники и их географические названия в Приморье (вторая половина XIX — начало XX в.). Владивосток, 1973. С. 42
- ³⁸ Там же.

- ³⁹ Богдо и помпу — головные уборы удэгейцев.
- ⁴⁰ Архив ОИАК. Ф. В.К. Арсеньева. Оп. 1. Д. 11. Л. 151.
- ⁴¹ Архив ДВО РАН. Ф. 1. Оп. 6. Д. 19. Л. 161—162. Материалы В.Г. Ларькина.
- ⁴² Архив ОИАК. Ф. В.К. Арсеньева. Оп. 1. Д. 42. Л. 8—11.
- ⁴³ Там же. Д. 27. Л. 249.
- ⁴⁴ Ларькин В.Г. Некоторые данные о родовом составе удэгейцев // КСИЭ им. Н.Н. Миклухо-Маклая. М., 1957. Вып. 27. С. 39.
- ⁴⁵ Сем Ю.А., Сем Л.И. У нанайцев и удэгейцев бассейна р. Бикин // Записки ПФГО СССР. Владивосток, 1956. Т. 20. № 1. С. 65.
- ⁴⁶ Патканов С.К. Опыт географии и статистики тунгусских племен Сибири на основании данных переписи населения 1897 г. и других источников // Записки ИРГО. СПб., 1906. Т. 31. Ч. 2. С. 65.
- ⁴⁷ Смоляк А.В. Этнические процессы у народов Нижнего Амура и Сахалина. Середина XIX — начало XX в. М., 1975. С. 100.
- ⁴⁸ Там же.
- ⁴⁹ Архив ОИАК. Ф. В.К. Арсеньева. Оп. 1. Д. 42. Л. 11.
- ⁵⁰ Мелихов Г.В. Маньчжуры... С. 92.
- ⁵¹ Горский В. Начало и первые дни Маньчжурского дома // Труды членов Русской духовной миссии в Пекине. СПб., 1852. Т. 1. С. 43—44.
- ⁵² Кюннер Н.В. Китайские исторические данные о народах Севера // Учен. зап. ЛГУ. Серия ист. наук. Л., 1949. Вып. 1. С. 92—102.
- ⁵³ Смоляк А.В. Этнические процессы... С. 100.
- ⁵⁴ Туголуков В.А. Институт «доха» у удэгейцев и орочей // СЭ. 1972. № 3. С. 108.
- ⁵⁵ Город Хуньчунь расположен в Маньчжурии, к западу от Посета.
- ⁵⁶ Сей Вада. Племена нижних притоков Амура по китайским источникам // Зап. исслед. департамента Тойо Бунко. Токио, 1938. № 10. С. 91—92. Яп. яз.
- ⁵⁷ Кюннер Н.В. Китайские исторические данные... С. 98.
- ⁵⁸ Там же. С. 101.
- ⁵⁹ Лебедева Е.П. Расселение маньчжурских родов в конце XVI и начале XVII веков // Учен. зап. ЛГУ. 1957. Т. 132. С. 75.
- ⁶⁰ Архив ОИАК. Ф. В.К. Арсеньева. Оп. 1. Д. 27. Л. 222.
- ⁶¹ Шнейдер Е.Р. Краткий удэйско-русский словарь с приложением грамматического очерка. М.; Л., 1936. С. 44.
- ⁶² Туголуков В.А. Институт «доха» у удэгейцев... С. 115.
- ⁶³ Ларькин В.Г. Некоторые данные о родовом составе удэгейцев. С. 39.
- ⁶⁴ Архив ДВО РАН. Ф. 1. Оп. 6. Д. 19. Л. 163.
- ⁶⁵ Патканов С.К. Опыт географии... С. 108.
- ⁶⁶ Архив ДВО РАН. Ф. 1. Оп. 2. Д. 19. Л. 163.
- ⁶⁷ ПФА РАН. Ф. 12. Оп. 1. Д. 32. Л. 44; Архив ОИАК. Ф. В.К. Арсеньева. Оп. 1. Д. 2. Л. 222.
- ⁶⁸ ПФА РАН. Ф. К-П. Оп. 1. Д. 18. Л. 8.
- ⁶⁹ Крейнович Е.А. Из истории заселения Охотского побережья: (По данным языка и фольклора эвенских селений Армань и Ола) // Страны и народы Востока. М., 1979. Вып. 20. Кн. 4. С. 197.
- ⁷⁰ Туголуков В.А. Этнические корни тунгусов // Этногенез народов Севера. М., 1980. С. 167—168.
- ⁷¹ ПФА РАН. Ф. К-П. Оп. 1. Д. 18. Л. 20.
- ⁷² Архив ОИАК. Ф. В.К. Арсеньева. Оп. 1. Д. 27. Л. 224.
- ⁷³ Туголуков В.А. Институт «доха» у удэгейцев... С. 108.
- ⁷⁴ Там же.
- ⁷⁵ Там же. С. 109.
- ⁷⁶ Подмаскин В.В., Старцев А.Ф. Проблема этногенеза... С. 24.
- ⁷⁷ ПФА РАН. Ф. К-П. Оп. 1. Д. 21. Л. 2.
- ⁷⁸ Там же. Л. 20.
- ⁷⁹ Там же. Л. 5.
- ⁸⁰ Сем Ю.А. Родовая организация нанайцев и ее разложение. Владивосток, 1959. С. 9.
- ⁸¹ Ларькин В.Г. Некоторые данные о родовом составе удэгейцев. С. 41.
- ⁸² Ларькин В.Г. Некоторые данные о родовом составе удэгейцев. С. 36.
- ⁸³ Старцев А.Ф. Проблема этногенеза и этнокультурных контактов удэгейцев и тазов // Арсеньевские чтения: Материалы регион. науч.-практ. конференции, посвящ. 130-летию со дня рождения В.К. Арсеньева 28—29 августа 2002 года. Владивосток, 2002. С. 125—131.
- ⁸⁴ Подмаскин В.В., Старцев А.Ф. Проблема этногенеза... С. 25.
- ⁸⁵ Там же. С. 26.
- ⁸⁶ Ларькин В.Г. Некоторые данные о родовом составе удэгейцев. С. 41.
- ⁸⁷ Туголуков В.А. Институт «доха» у удэгейцев... С. 107.
- ⁸⁸ Ларькин В.Г. Орочи: (ист.-этногр. очерк с середины XIX в. до наших дней). М., 1964. С. 75.

SUMMARY. Doctor of Historical Sciences Anatoly Startsev called his article “Some Aspects of the Problem of the Genesis of the Udege”. The author gives a detailed analysis of different variants of suppositions on ethnogenesis of the Udege, He estimates the present hypothesis on this problem. The article states that since 17th century there took place the process of amalgamation of various ethnic communities dependant on ethnic cultural contacts of the Udege with neighbor peoples.